

УДК 82.0
ББК 83.01

Д. Л. Лакербай

О ТЕРМИНАХ «ТЕКСТ» И «ПРОИЗВЕДЕНИЕ»

В статье рассмотрена асимметричная пара терминов «текст» и «произведение», которые могут находиться в различном соотношении друг с другом. При этом существует корреляция между решением вопроса в парах «текст — произведение» и «текст — дискурс».

Текст как тотальный идентификатор гуманитарных и общественных наук не может быть определен полностью в рамках одной науки. Когда мы даем определение тексту, мы неизбежно создаем его глубоко трансформированную модель в том или ином ракурсе научного знания. Поэтому вариативны и дискуссионны как набор и количество основных текстовых категорий, так и терминологические ряды. Например, частое противопоставление текста как упорядоченной и иерархизированной системы потоку дискурса проводится по различным основаниям и с различным результатом. И текст, и дискурс могут быть поняты в аспекте процессуальности, что порождает противоположные интерпретации. При учете широкого «плана языка» релевантней не противопоставление текста и дискурса, а их сопоставление, которое оставляет больше возможностей для научной дескрипции сложных феноменов и позволяет осмыслить текст как когнитивно-коммуникативное событие. В качестве произведения художественный текст дискурсивен по сути реализуемых в нем когнитивно-прагматических отношений между различными инстанциями.

Традиционное словоупотребление «текст произведения» не только обозначает материальный субстрат последнего, но и предполагает имплицитно, что «произведение» больше и многозначней «текста». Постструктуралисты интерпретируют это соотношение в обратном порядке. Эти подходы совместимы, если представить себе «напечатанный текст» как застывшее «речевое произведение», базу интерпретации, от которой можно двигаться в противоположные стороны к инстанциям «тотального автора» или «тотального читателя».

Ключевые слова: текст, произведение, дискурс, процессуальность, когнитивный, интерпретация.

D. L. Lakerbay

ON THE TERMS “TEXT” AND “LITERARY WORK”

The article considers an asymmetric pair of terms “text” and “work”, which can be in different relations to each other. At the same time, there is a correlation between the solution of the issue in the “text — literary work” and “text — discourse” pairs.

The text as a total identifier of the Humanities and Social Sciences cannot be defined completely within the framework of one science. When we define a text, we inevitably create a deeply transformed model of it from one perspective or another. Therefore, both the set and number of main textual categories and the terminology series are variable and debatable. For example, the frequent opposition of text as an ordered and hierarchical system to the flow of discourse is conducted on different grounds and with different results. Both the text and the discourse can be understood in the procedural aspect, which gives rise to opposite interpretations. When taking

into account the broad “language plan”, it is more relevant not to contrast the text and discourse, but to compare them, which leaves more opportunities for scholarly description of complex phenomena and allows us to understand the text as a cognitive and communicative event. As a work, a literary text is discursive in essence of the cognitive-pragmatic relations implemented in it between different instances.

The traditional use of the word “text of a literary work” not only denotes the material substratum of the latter, but also implies that the “work” is larger and more polysemantic than the “text”. Poststructuralists interpret this relationship in reverse order. These approaches are compatible if we imagine the “printed text” as a frozen “speech work”, a base of interpretation from which we can move in opposite directions to the instances of the “total author” or “total reader”.

Key words: text, literary work, discourse, procedural, cognitive, interpretation.

Текст и произведение — асимметричная пара терминов, в разных толкованиях и в различных аспектах синонимичных, антонимичных, пересекающихся, коррелирующих своим содержанием. «Нормальной» или «неудовлетворительной» эту ситуацию можно счесть в зависимости от того, как мы понимаем сущность терминологии в литературоведении и шире — филологии и всей гуманитаристике, особенно терминологии обобщающего характера, «лавинообразный рост» частотности которой (сказано еще полвека назад именно по поводу «текста») «сопровождается утратой необходимой однозначности» [19, с. 3]. Попытки строго упорядочить содержание такого термина, систематизировать / таксономизировать его вместе с «окружением», как правило, оборачиваются редукцией содержания и / или объема понятия (например, отнесение термина «текст» только к формам письменной речи) или «профильной» аспектуализацией в русле конкретных дисциплин. Между тем сама история подобного понятия — как это наглядно продемонстрировал К. А. Богданов на примере «контекста» (см.: [5]) — показывает важность и насущность реализации всего его объяснительного потенциала (не только лингвистического, скажем, но и общекультурного, и антропологического).

И даже вне исторического, диахронического измерения здесь очевидна, например, многоаспектность и многомерность категории текста, «не состоящего из предложений, но реализующегося в них» [7, с. 11]. По сути, минимальным (!) признанием этого оказывается следующее: «...понятие “текст” часто включается в термины лингвистического плана — грамматика текста, стилистика текста, синтаксис текста, лингвистика текста. Однако именно в языкознании понятие “текст” не получило еще четкого определения. Видимо, свести это понятие только к категориям языкового плана невозможно...» [7, с. 11]. Если же осмыслить текст как «тотальный индентификатор» гуманитарных и общественных наук, то он в принципе требует «интегрального подхода» в силу невозможности «описать текст на одном основании» [25, с. 33]. Разумеется, и «внутри» филологии мы можем и должны — в сугубо конкретных целях — различать лингвистический и литературоведческий (по преимуществу) подходы к тексту, однако «общее» здесь настолько огромно (гуманитарные дисциплины, по Бахтину, исходят «из первичной данности текста» [3, с. 309], двуединого в своей соотнесенности и с языковой системой, и с субъектностью / ситуативностью, и при этом «двунаправленного» — на автора и «потребителя» текста) и столь разнообразно по формам, что, определяя текст так или иначе (например, выбирая какой-либо из основных подходов: «1) традиционно-грамматический; 2) общелингвистический; 3) психологический; 4) коммуникативно-деятельностный» [16, с. 23]), мы

неизбежно создаем его глубоко трансформированную модель в рамках той или иной категориальности, того или иного терминологического ряда.

Поэтому вариативны и дискуссионны как набор и количество основных текстовых категорий (напр.: информативность, членимость, когезия, континуум, автосемантичность отрезков текста, ретроспекция, проспекция, модальность, интеграция, завершенность (см.: [8]); адресант и адресат, хроно-топ, событие, актант, диктум и модус (см.: [16]) — и др.), так и сами терминологические ряды, в которые помещается данное понятие, равно как и соотношения понятий в этих рядах. По поводу категорий точным представляется замечание Н. С. Валгиной: «Текстовые категории (содержательные, структурные, строевые, функциональные, коммуникативные), будучи существенно разными, не слагаются друг с другом, а налагаются друг на друга, рождая некое единое образование, качественно отличное от суммы составляющих» [7, с. 12]. Что же касается терминологических пар или рядов, то, на наш взгляд, существует корреляция между решением вопроса в парах *текст / произведение* и *текст / дискурс*.

Нередкое противопоставление текста как «горизонтально» и «вертикально» упорядоченной, иерархизированной знаково-смысловой системы «грандиозному, нескончаемому и необузданному бурлению дискурса» [22, с. 78] проводится по разным основаниям и с разным пафосом: «дискурс представляет собой динамический процесс, частью которого является текст» [21, с. 129]; текст понимается не только как «продукт», но и как «процесс», «деятельностный акт» (т. е. понятие дискурса сдвигается на чисто «речевую» или «окололингвистическую» периферию — см.: [11, 12, 16]); для теоретического толкования обоих членов диады «текст — дискурс» вводится «связующая» их категория стиля, где последний есть «особый способ действий, предпринимаемых неким речевым субъектом в процессе формулирования текста с целью решения определенной/ых когнитивно-коммуникативной/-ых задач/-и» [25, с. 192].

Возможно, любая оппозитивная пара дифференцирующих признаков может быть в этих рядах перевернута: так, «линейно», синтагматически развертывающемуся тексту противопоставлен — особенно в постструктуралистском изводе — «нелинейный» дискурс, однако смещение ракурса дает обратную картину: «Речь развертывается линейно (синтагматически). Дискурс же являет собой ситуационно обусловленный (“извивающийся”, как ручей, в изгибающемся русле) поток речи. Текст же как единица коммуникации нелинеен, иерархичен и весьма жестко организован “вокруг” авторских намерений» [11, с. 147] — т. е. «нелинейной» с разных позиций может быть названа и «спонтанная креативность» дискурса, и, напротив, жесткая иерархичность текста (в традиционном его понимании — как структурно и семантически завершенного для автора, но «направленно открытого» для читателя). И здесь интересны радикальные решения, кажущиеся излишне категоричными и / или тенденциозными, но при этом акцентирующие наиболее проблемные места научного моделирования.

Так, весьма последовательна концепция Т. М. Дридзе, резко противопоставившей преимущественно спонтанное «языковое (речевое) поведение» и мотивационно-целевую «текстовую деятельность», лингвистический (психолингвистический) и семисоциопсихологический подходы: «В первом случае познание и коммуникация трактуются в канонах теории речевой деятельности, где <...> познавательный процесс равен речемыслительному <...> Во втором случае акцентируются внутренняя целенаправленность,

интенциональность и цельность процессуально-идеационной организации знакового общения как текстовой деятельности. Текст же рассматривается не как речезыковая, а как коммуникативно-познавательная единица, т. е. изначально обращенное к партнеру, опредмеченное ментальное образование, “цементированное” коммуникативным замыслом, составляющим его смысловое ядро» [11, с. 147].

При всей категоричности антитезы у нее есть основания, в частности отмеченная еще Бахтиным несводимость высказывания не только к предложению, но и к лингвистике и семиотике, к любым определенным «правилам». К тексту (тем более художественному) это относится в высшей степени: «Текст живет только соприкасаясь с другим текстом (контекстом) <...> этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями), а не механический контакт «оппозиций», возможный только в пределах одного текста (но не текста и контекстов) между абстрактными элементами (знаками внутри текста) и необходимый только на первом этапе понимания (понимания значения, а не смысла). За этим контактом — контакт личностей, а не вещей (в пределе)» [4, с. 424].

Т. М. Дридзе, опираясь на мощную традицию отечественной психологии (в центре которой проблемы деятельности, мысли и речи), рассматривает текст как многоплановое мотивно-целевое коммуникативное *движение* (отсюда и опорный термин *текстовая деятельность*), стремясь рационализировать *содержательные*, а не формальные аспекты смыслообразующих и «смыслопередающих» коммуникативных актов (отсюда и ее критика знаменитой яacobсоновской шестизвенной схемы речевого акта: «контакт» в ней понимается формально, что не позволяет отличить *общение как обмен смыслами от псевдо- и квазиобщения* (см.: [10, с. 43—44]). Согласно Т. М. Дридзе, «текст в качестве единицы знакового общения (социокультурной коммуникации) представляет собой особым образом организованную *содержательно-смысловую целостность и может быть определен как система коммуникативно-познавательных элементов, функционально объединенных в единую замкнутую иерархическую содержательно-смысловую структуру (иерархию коммуникативно-познавательных программ) общей концепцией или замыслом (коммуникативным намерением) партнеров по общению*» [11, с. 149]. Так понимаемый текст оказывается не только противопоставлен речи и дискурсу (по критериям *целевое / «потокоевое», четко мотивированное / спонтанное, программно-смысловое / ситуативное, первично ориентированное на осмысление коммуникативного намерения / первично ориентированное на поиск речевых средств* и пр.) — коммуникативно понимаемый текст «вытесняет» узко понимаемый дискурс из подлинного общения. Понятие «дискурс» оказывается избыточным, ненужным для характеристики настоящей «текстовой деятельности», наполненной *смыслами*.

Такая точка зрения не лишена оснований (и, безусловно, ближе традиционному литературоведческому взгляду на текст), но — дьявол всегда в деталях — эвристична *в определенных исследовательских ракурсах*. Ведь ни одна концепция не схватывает — и не в состоянии схватить — «язык» целиком. Подобно тому как мы «внутри» него, а он «внутри» нас (и «снаружи» тоже), все мыслимые оппозиции по линии *речевая (языковая) деятельность — текст* неабсолютны, условны в практическом «применении» языка (и кто еще кого тут «применяет»). Разграничение *текст — речь (дискурс)* ограничено удобно в плане *аспектуализации* — например, для действительно

необходимой защиты *смысла*, так или иначе *спланированного* адресантом, от лингвистической *редукции* («текст является не только продуктом, но и образцом, и объектом деятельности общения. Текст как единица общения не сводится к средствам и способу его “исполнения”. Соответственно действия порождения и интерпретации текстов не совпадают по структуре и содержанию с речепроизводством» [10, с. 69]) или постмодерной *бесконечности интерпретаций*. Однако оно нерелевантно при обращении ко всему «плану языка» по причине бинарного *разрыва* его единой структурированной «смыслозначимой» материи («и текст объемлен и линейен, и дискурс объемлен и линейен» [23, с. 6—7]) — тем более если мы понимаем «дискурсивность» шире: например, как безличную власть (над субъектом речи / текста) стереотипизированных «социальных языков» или как речевую реализацию национальных концептов. Оппозитивные «разрывы» пройдут в таких случаях совершенно в других местах, сама содержательная «фактура» речи окажется скроена по-другому. Жесткое же противопоставление, разводящее дискурс и текст «по разным углам» по набору признаков¹, не учитывает области взаимопересечения: содержащий в себе «процессуальность» художественный текст не может реализовать ее вне дискурсивного развертывания²; создатель текста есть носитель ряда «дискурсивных предпочтений» не только индивидуального, но и жанрового, и национально-концептуального, и «профильно-тематического» характера (имеется в виду дискурс предметной области знания, например «медицинский», или области представлений и действий, например «этический»). Вообще говоря, создатель текста **в принципе не свободен от безличной когнитивно насыщенной дискурсивности своего времени** (это, метафорически выражаясь, волны и плеск именно того языка, в котором он пребывает), если мы учитываем трактовку дискурса М. Фуко и П. Серю.

Другое дело, что мы вольны — в зависимости от исследовательских задач —

¹ См.: «В отличие от дискурса, текст лишен жесткой прикрепленности к реальному времени <...> Текст существует в физическом времени не сам по себе, а лишь в оболочке материального объекта <...> Собственно же текст существует не в этом времени, а во времени-пространстве культуры <...> текст на порядок сложнее дискурса (во всяком случае художественный), ибо он представляет собой “упакованную” коммуникацию, включая в свернутом виде не только все элементы коммуникативного акта, но и сигналы для их дешифровки <...> Дискурс в филогенезе предшествует тексту, подобно тому как диалог предшествует монологу, а речь — языковой системе <...> понятие дискурса к художественному тексту (классического типа) неприложимо <...> Интертекстуальность, взятая “в пределе”, дает не дискурс, как можно было бы подумать, а гипертекст <...> Что же касается собственно литературы и ее экспериментов, то можно с уверенностью утверждать: мы создаем <...> не дискурс, а текст, и это будет оставаться неизменным до тех пор, пока мы ставим в конце знак, маркирующий конец» [12, с. 55, 62—65]. И всё это настойчивое разграничение — по сути, для того, чтобы «изолировать» текст в качестве привилегированного объекта теоретического анализа, потому что в конце книги следует признание: «Утверждение о том, что текст на порядок сложнее дискурса, верно только при том условии, что дискурс понимается в самом узком из всех возможных значений этого термина» [12, с. 424].

² «...обогащение текста на уровне дискурса характеристиками, которые обусловлены экстралингвистическими факторами, усиливающими в первую очередь его прагматическую открытость и превращающими процессуальность из имманентного признака текста в дифференциальную черту дискурса, так как в последнем текст выступает в качестве когнитивного и коммуникативно-деятельностного медиума между автором и читателем...» [25, с. 187].

выбирать между акцентуализацией «безличного» или «авторского» плана текста / дискурса, изучать дискурсивное окружение текста или дискурсивный механизм, который им управляет (т. е. управляет производством высказываний / текста).

При учете широкого «плана языка» релевантной *со-*, а не *противопоставление*, оставляющее больше возможностей для научной дескрипции сложных феноменов, когда исследователь «учитывает функции автора или читателя, осмысляет текст в контексте ментальных процессов порождения, восприятия, понимания и интерпретации, признает его продуктом совместной работы сознаний когнитивных субъектов. Признание детерминирующей роли человеческого сознания в содержательном наполнении текстовых характеристик <...> с одной стороны, предопределяет гибкий, вероятностный характер выводов о тексте, а с другой — программирует его соположение, а не противопоставление дискурсу» [24, с. 81—82]. В любом случае, при всей верности тех или иных частных положений, однозначно-линейного разграничения не получается, и продуктивным решением представляются аспектуализация и взаимодополнительность. Как обобщает Е. А. Гончарова, «текст получает дискурсивные черты когнитивного события, поскольку в его содержании отражается определенная “авторская концепция действительности” <...> Одновременно с этим в дискурсивной проекции текст является коммуникативным событием, “погруженным в жизнь” (по Н. Д. Арутюновой) и автора, и читателя, и общества в целом. <...> в основе интерпретации художественного текста как произведения, или дискурса, должно лежать представление о нем как о системе, существующей в некоей среде. <...> К “внешним” по отношению к тексту, но “внутренним” по отношению к художественному произведению, или литературному дискурсу, “структурам” принадлежат автор и читатель как антропоцентрические центры текста» [9, с. 31—32].

Будучи «особой, развернутой вербальной формой осуществления речемыслительного произведения» [12, с. 48] и функционально-семантической единицей, состоящей из элементов, находящихся в иерархических семантическо-смысловых отношениях и объединенных общим замыслом [10, с. 57, 48], текст, нередко называемый «сложным знаком», результатом семиотической кодировки, не является им в точном смысле, поскольку «сам этот код нам неизвестен — его еще предстоит реконструировать, основываясь на данном нам тексте» [19, с. 5]. Внутренняя связность («когерентность») текста не моделируется в рамках лингвистических категорий и «проявляется одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной целостности, которые соотносятся между собой как форма, содержание и функция» [20, с. 17]. Соответственно «контекстуализация» текста может мыслиться как неотъемлемая составляющая текстовой деятельности, направленной не на схематизацию текстовых «смыслов», а, наоборот, на обогащение и трансформацию «модельных» значений в процессе реальной коммуникации: «...функция стилистического контекста состоит не в том, чтобы снять многозначность (это функция языкового контекста), а, напротив, в том, чтобы добавить новые значения, создать комбинаторные приращения смысла. Стилистический контекст позволяет одновременно реализовать два и более значений слова, создать ему добавочные коннотации <...> Объектом стилистического анализа и описания является целый текст» [1, с. 56]. Как отмечает К. А. Богданов, «представление о стилистическом контексте <...> фактически уравнивает

понятия контекста и интертекста» [5]; чуть ниже он приводит несколько десятков терминологических производных от слова «текст», показывая, как филологическая и философская рефлексия последней трети XX века теоретически заполняла связанный с «текстом» смысловой объем. Действительно, достаточно почти наугад обратиться к конкретным исследованиям, чтобы увидеть, как масштабно и вариативно проводится «реконструкция» текстового кода, как «текстовая деятельность» провоцирует «приращения смысла». Так, А. К. Жолковский тонко отслеживает в пастернаковской лирике «распределение материала между текстом и подтекстом» — в последний метафорически «переводятся компоненты, “не уместяющиеся” в собственно тексте» («Говоря *оплыли слова, нарвав охапку молний* и т. п., поэт, опираясь на стандартную сочетаемость (*оплывать* может *свеча, нарвать* и *охапка* естественно сочетаются с *цветами*), создает параллельные тексты, из которых один — более привычный — переносится в подтекст» [13, с. 413]. А ставшие «текстом культуры» последние (или предпоследние?) слова А. П. Чехова *Ich sterbe* в процессе исследовательской интерпретации почти неизбежно (иначе не реконструируется несомненно вложенный в них самим Чеховым смысловый потенциал) порождают разветвленный интертекст, где находится место и профессиональному коду врачей, и чеховской иронической десакрализации смерти, и последующей литературной травестии, и двуязычной каламбуризации, и этимологическим штудиям, и даже вражде заинтересованных лиц (см.: [14]).

Поэтому современный филологический анализ текста — единство разных типов и способов его изучения, а художественный текст, без сомнения, является не просто особым видом текста, но и, с определенной стороны, наиболее репрезентативным для осмысления самой категории: «...автор художественного текста на большую глубину “прячет” неявные, нетривиальные смыслы субъектности, времени, адресности, в широком смысле субъективности и т. д. Другими словами, именно экспликация семантики художественного текста более всего трудна, актуальна и более всего добавляет знания о тексте как таковом» [16, с. 25]. Собственно литературный текст, не теряя специфики вербального текста как такового (несводимости к «сложному знаку» в силу исходной многозначности и отсутствия «однозначности воспроизведения» — см.: [12, с. 40]) и художественного текста в частности (специфичности коммуникации, субъектных, временных и пр. смыслов» — см.: [16, с. 25]), при этом органично входит в различные культурные «ряды» и получает значимые исследовательские проекции.

Отношения между понятиями «текст» и «произведение» также получили неоднозначную, порой альтернативную, трактовку. «Квинтэссенция асимметрии этих двух понятий <...> состоит в том, что, объективно существуя в виде текста, произведение имеет “сверхтекстовый” характер <...> природа произведения как подвижной совокупности сложных познавательно-художественных актов индивидуального и межличностного взаимодействия автора и читателя с текстом обусловлена его *процессуальной открытостью*» [9, с. 30—31]. В рамках радикальной философско-эстетической позиции М. М. Бахтина, оппонировавшего здесь системно-структурной лингвистике, это и есть различительные понятия двух ветвей филологии: «Лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением. То же, что она говорит о произведении, привносится контрабандным путем и из чисто лингвистического анализа не вытекает. Конечно, обычно сама эта лингвистика с самого начала носит конгломератный характер и насыщена внелингвистическими элементами.

Несколько упрощая дело, чисто лингвистические отношения <...> — это отношения знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста <...> Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики» [3, с. 334].

В концепции постструктуралиста Р. Барта, тоже не строго лингвистической, характеристика и значимость *текста* и *произведения* выглядят «асимметрично-зеркально» бахтинским: «произведение есть вещественный фрагмент <...> может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе (вернее сказать, что он является Текстом лишь постольку, поскольку он это сознает) <...> Текст не может неподвижно застыть... он по природе своей должен сквозь что-то двигаться — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений <...> Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому <...> все произведение в целом функционирует как знак» [2, с. 415—416]. Текст как языковое произведение в классическом понимании означает безусловный приоритет формальной и смысловой связности-определенности-законченности целого над энергией составляющих его единиц, приоритет континуальности над дискретностью, системы — над элементами и их произвольными комбинациями. Постструктуралистский текст-письмо определяется прямо противоположным образом; привилегированность полностью переворачивается. Текст в классическом понимании оформлен его автором; текст-письмо в своей безбрежной игре интерпретаций продуцируется читателем. За пределами «революционно-романтической» постструктуралистской логики можно просто «признать, что все, что Р. Барт приписывает “Тексту” <...> должно быть “отдано” произведению» [12, с. 71] — однако стоит взглянуть на ситуацию еще раз.

Во-первых, важно подчеркнуть, что разграничение текста художественного произведения и самого произведения позволяет увидеть его как «живую жизнь» в аспектах процессуальности, интерсубъективности (диалогичности), контекстуальности и т. п. Как точно отмечают авторы, «в самом слове “произведение” <...> заключена характеристика п р о ц е с с у а л ь - н о с т и познания мира, его отражения в определенной системе вербальных знаков, передачи знания о мире, а также восприятия этого знания другим/ими, осуществляемых в тексте» [25, с. 184]. Но в тексте эта процессуальность — более имманентный системный признак, нежели конкретная связь с чем-либо вне текста, и для современных лингвистов — приверженцев когнитивно-дискурсивной парадигмы — дискурс, в рамках которого текст выступает как когнитивный и коммуникативно-деятельностный медиум между автором и читателем, и обозначает «событие произведения» (произведение как когнитивное и коммуникативное событие и как со-бытие).

Становясь произведением, «художественный текст дискурсивен по сути реализуемых в нем когнитивно-прагматических отношений между познаваемым миром, автором, создаваемым им литературным произведением, системой персонажей, а также других образов внутри этого произведения, и читателем» [25, с. 190—191]. С другой стороны, по словам М. М. Бахтина, «текст не вещь, и поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать» [3, с. 310]. В отличие от механического воспроизведения (перепечатка и пр.), «воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое исполнение,

цитирование) есть новое неповторимое событие в жизни текста, новое звено в исторической цепи речевого общения» [3, с. 309]. Соответственно, различными оказываются и смысловые сферы *текста* и *произведения*.

Среди производной терминологии, связанной с текстом, есть пост-структуралистская бинарная система *фено-текст* / *гено-текст*, интересная, несмотря на свою необщепризнанность, очень глубокой перспективой. «Семанализ» Ю. Кристевой резко отличен от семиотики: «...не упуская из виду, что текст представляет собой систему знаков, посредством семанализа мы должны отыскать внутри этой системы другое место действия, заслоненное от нас экраном текстовой структуры, другую сцену, на которой совершается акт означивания, — *такая операция, по отношению к которой структура есть всего лишь некий осадок, отсроченный результат*. <...> семанализ позволяет избавиться от обязанности избирать только одну — центральную — точку зрения, а именно точку зрения *подлежащей описанию* структуры, и предоставляет возможность комбинировать различные точки зрения с целью реконструкции процесса *порождения* этой структуры» [18, с. 294]. Кристевой (в отличие, например, от «генеративной грамматики» Хомского, в которой «глубинные компоненты в структурном отношении тождественны поверхностным, и в действительности не наблюдается никаких трансформаций», вследствие чего «рукой подать» до картезианского принципа и картезианского субъекта [18, с. 296—297]), удастся преодолеть «одномерность» семиотического взгляда на «текстообразующую ось», показав *процессуальность как трансформацию*: «Текст — это не языковой феномен, иными словами, он не есть структурированное определенным образом значение <...> Текст — это порождение значения — порождение, вписанное в рамки языкового “феномена”, в рамки фенотекста, каковым является напечатанный текст; прочесть порождение возможно лишь методом восхождения по вертикали, следуя процессу генезиса, во-первых, его языковых категорий, во-вторых, топологии акта означивания <...> следует различать два аспекта: 1) порождение языковой ткани; 2) порождение некоего “я”, занимающего определенную позицию ради презентации акта означивания. При восхождении по вертикали мы обнаруживаем (лингвистическую) операцию порождения фенотекста. Эту операцию мы будем называть генотекстом и таким образом разделим понятие текста на фенотекст и генотекст (на поверхность и глубину, на наделенную значением структуру и означивающую продуктивность)» [18, с. 295]. Вне зависимости от симпатий и акцентов (что тут «поверхность», а что «глубина», и т. п.), отвлекаясь от чрезвычайно важных положений (становление фенотекста увязывается с фрейдовским «Там, где было Оно, должно стать Я»), от неизбежных пересечений «текстообразующей оси» с дискурсивностью, отметим, насколько глубоко Кристева понимает характер «лингвистической операции порождения фенотекста» (текста как коммуникативной структуры с субъектом акта высказывания и адресатом) — генотекст есть доструктурное «множество бесконечно дифференцированных означающих», абстрактный уровень языкового (доязыкового по отношению к системности) функционирования, но по сути дела — бесконечный неслышимый Гул Бесконечного Языка. Обозначив этот «нижний» (он же объемлющий, он же «верхний» для постструктуралистски ориентированного читателя и аналитика) уровень, вернемся к более простому и достаточному для нас бартовскому разграничению «произведения» и «текста», которое повторяет саму суть данного противопоставления.

Помня о том, что постструктурализм выявил *значимые* аспекты реальности и проблемы классического знания, мы выходим к явному терминологическому конфликту. Привычное словоупотребление «текст произведения» не только обозначает материальный субстрат последнего, но и предполагает имплицитно, что «произведение» больше, разнообразней, вариативней, многозначней текста, способно к известному «преодолению» его определенности и законченности. У Барта — наоборот, «произведение текста» беднее и однозначнее его самого. Можно ли учесть аргументацию обеих сторон?

Можно и нужно — если представить себе «напечатанный текст» как застывшее «речевое произведение», *базу интерпретации*, от которой можно двигаться в разные, даже в противоположные стороны (к инстанциям «тотального автора» или «тотального читателя»).

Понятие *текст* содержит в себе только идеи грамматической и семантической связности, но никак не идею эстетической целостности, следовательно, для разговора о последней оно терминологически нерелевантно. Понятие *художественный текст* как раз и является необходимым указанием на особую природу данного «типа» текста — «типа» в кавычках, ибо это вовсе не тип, а особый модус, состояние, при котором собственно-текстовые грамматическая и семантическая связность могут акцентироваться / преодолеваются в любых *заданных* направлениях и в любом случае являются только составляющей художественности. Об этом особом качестве — пусть не текста, а поэтического языка, дискурса — пишут и постструктуралисты: «1. Поэтическое высказывание не подчиняется грамматическому (линейному) порядку непозитической фразы. <...> Являясь одновременно как грамматическим (наблюдаемым) объектом, так и семной операцией в интертекстовом поле, поэтический смысл пребывает между утверждением и отрицанием этого [коммутативного] закона; он не иллюстрирует его, но он его и не нарушает; у него — иная логика, в конечном счете поддающаяся анализу со стороны субъекта, находящегося в промежутке между этими да и нет. 2. <...> поэтический язык есть не что иное, как некоторый объем, где возникают неожиданные (иллогичные, неведомые обычной речи) отношения между элементами...» [17, с. 275—277].

В противном случае понятие *художественный текст* — не более чем метафора.

Понятие *текст произведения* («текст художественного произведения», т. е. «художественный текст») указывает на «ставшее смысла», текст-факт, материальный объект, «носитель» произведения.

Произведение также нельзя возвести к (или низвести до) *Тексту как таковому* — они гетерогенны в генетическом и типологическом аспектах. *Текст как таковой* в постструктуралистско-постмодернистском ракурсе есть Абсолют становлений и различений, безлично-безостановочное заговаривание хаоса на языке самого хаоса. Он не чистая философия: восставая над своим материальным носителем подобно песчаной буре над пустыней, он складывает-смазывает мгновенные узоры мириад голосов — но это пробужденный художником гул говорящего сам с собой Языка, *потоку различений которого нет дела до голоса субъекта*, до человека, до автора, отчаянно пытающегося — нет, не совладать с этим гулом, подобное невозможно — создать и удержать дольше мгновения в этом ревящем аду свой неповторимый голосовой узор. Данный узор и есть *произведение*. Чтобы расслышать *произведение*, мы должны приглушить — только приглушить до уровня фона! —

гул *Текста* (Поэтическая аналогия из мира природы (движение волн, прибор): «И громоздкая письменность с ревом идет на слом, // Никому не давая себя прочесть» [7, с. 218]). Непреходящий драматизм этой ситуации зависит не только от читателя, не только от масштаба дарования художника, его замысла и оригинального совершенства его стиля, но и от самой исторической (а внутри нее социальной, психологической, ментальной и т. п.) обусловленности данного процесса. В разные эпохи, в разных историко-культурных контекстах характер и степень «выделенности» произведения из *Текста* различны. *Зримо* отличает произведение от *Текста*, разграничивает произведение и *Текст* — персональный (авторский) стиль. Приближение произведения к *Тексту* (постмодернизм и отчасти модернизм), *видимый* вектор к *Тексту* есть следствие прежде всего авторского замысла и, следовательно, частный случай, намеренное стирание границ — видимое и обыгрываемое именно в силу их наличия (это не минус-прием, так как речь идет о более сложных и глубоких принципах построения произведения / *Текста*, а именно «создании эффекта преднамеренного повествовательного хаоса, фрагментированного дискурса о восприятии мира как разорванного, отчужденного, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности» [15, с. 7]). Не забудем и о том, что термин «произведение» также может означать несовпадающее: «произведение автора», «речевое произведение», «произведение читателя» есть частично пересекающиеся множества, которые нельзя охватить одним взглядом. По сути, только «произведение читателя» существует феноменально (как чтение и его результат); два других являют собой интеллектуальные (ре)конструкции, продукты опосредования.

Таковы некоторые промежуточные итоги рассмотрения смысловой сферы терминов *текст* и *произведение*.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
3. Бахтин М. М. Проблема текста // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5 : Работы 1940-х — начала 1960-х годов / ред. тома С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. М. : Русские словари, 1997. С. 306—326.
4. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х — начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6 : «Проблемы поэтики Достоевского». Работы 1960—1970 гг. / ред. : С. Г. Бочаров, Л. А. Гогтишвили. М. : Русские Словари; Языки Славянской Культуры, 2002. С. 371—439.
5. Богданов К. А. Антропология контекста: к истории «общепонятных понятий» в филологии // НЛЮ. 2010. № 102. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/antropologiya-konteksta-k-istorii-obshheponyatnyh-ponyatij-v-filologii.html> (дата обращения: 14.01.2020).
6. Бродский И. Сочинения : в 7 т. Т. 3 / общ. ред. Я. А. Гордина; сост. Г. Ф. Комаров. СПб. : Пушкинский фонд, 2001. 312 с.
7. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие. М. : Логос, 2003. 173 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотипное. М. : Книга, 2006. 144 с.
9. Гончарова Е. А. О синергетическом характере категории «автор» как объекта лингвистической интерпретации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 2. С. 30—38.

10. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М. : Наука; Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984. 268 с.
11. Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоциопсихологии // *Общественные науки и современность*. 1996. № 3. С. 145—152.
12. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX—XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
13. Жолковский А. К. Заметки о тексте, подтексте и цитации у Пастернака // Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М. : Новое литературное обозрение, 2011. С. 409—424.
14. Жолковский А. К. К лингвистическому осмыслению последних слов Чехова // Жолковский А. К. Поэтика за чайным столом и другие разборы : сборник статей. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 669—675.
15. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М. : ИНИОН РАН — INTRADA, 2001. 386 с.
16. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста : монография. Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.
17. Кристева Ю. Поэзия и негативность // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 262—292.
18. Кристева Ю. Порождение формулы // Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики : пер. с фр. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 293—386.
19. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 567. Текст в тексте (Труды по знаковым системам XIV). Тарту, 1981. С. 3—17.
20. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.) : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1981. 183 с.
21. Петрова Н. В. Текст и дискурс // *Вопросы языкознания*. 2003. № 6. С. 123—131.
22. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет : пер. с фр. М. : Касталь, 1996. С. 47—96.
23. Чан Ким Бао. Текст и дискурс (через призму иньян-концепции). М. : Творчество, 2000. 180 с.
24. Щирова И. А. Идеи текста и интерпретации в общенаучном контексте (об интеграционных процессах в современной гуманитаристике) // *Studia Linguistica* (Санкт-Петербург). 2018. № 27. С. 76—85.
25. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация : учебное пособие. СПб. : Книжный Дом, 2007. 472 с.